

An aerial photograph of a city in ruins. Several large, domed buildings with copper-colored roofs are visible. The central dome is heavily damaged, with a large section missing and a massive plume of dark smoke rising from the impact. Debris is scattered across the ground, and other buildings in the background are also damaged. The sky is filled with smoke and clouds.

Ник Нил

Эффект выгорания

Ник Нил

Эффект выгорания

<https://litres.ru/74696344>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что произойдет, если идеальный мир решит избавиться от «ошибки»? Если ту, что должна была стать бездушным инструментом контроля, просто выбросят на свалку?

Она выжила. Сожгла небо, обрушила Купола и построила новый мир из пепла, ржавчины и свободы. Но когда идеальные создатели Вселенной возвращаются, чтобы посмотреть на свой «музей ошибок», они обнаруживают, что экспонаты научились смеяться, любить и строить летающие паровозы.

История о том, как одна «системная ошибка» научила саму Вечность радоваться боли, любить бесполезных котов и варить самый вонючий сыр в Галактике.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	59
Глава 9	66
Глава 10	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Эффект выгорания

Глава 1

В камере пахнет озоном и сожженной пылью.

Я прижимаю ладони к вискам пациента. Его кожа липкая от пота, под моими пальцами бьется синяя жилка. Мужчина на кушетке дергается, ремни на его запястьях натягиваются.

— Не сопротивляйтесь, — говорю я, хотя знаю, что он меня не слышит.

Третий уровень аффекта. Радость. Самая грязная, самая горячая эмоция. Она выжигает нейронные связи быстрее, чем страх. Купол над Пятым сектором сегодня утром мигнул желтым — значит, где-то в трущобах кто-то позволил себе быть счастливым.

Инъектор в моей левой руке тихо гудит, заправленный раствором «Савор-7». Препарат не стирает память полностью, он просто отрезает эмоцию от события. Пациент будет помнить, что его дочь сделала первый шаг, но не почувствует ничего, кроме глухого раздражения от того, что пришлось отвлекаться от работы на конвейере.

— Готовность к протоколу «Пепел», — бросаю я через плечо.

Санитар кивает, его лицо скрыто за глухим респиратором. У санитаров нет имен. У них нет лиц. Только функции.

Я ввожу иглу в точку за ухом пациента.

Вспышка.

Для него это выглядит как белая молния, бьющая в затылок. Для меня — как запах озона, ставший вдруг густым, осязаемым. Я закрываю глаза, подключаясь к его синапсам через нейроконнектор на моем затылке.

Передо мной проносится чужая жизнь. Вот мужчина держит на руках сверток в родильном доме Двенадцатого сектора. Вот он впервые ест синтетическую говядину, выданную по талонам за перевыполнение плана. А вот — три часа назад. Он сидит в своей капсульной квартире. Дочь, семилетняя девочка с тонкими, как спички, руками, протягивает ему бумажный цветок. Она склеила его из оберток от питательного рациона.

И он улыбается.

Широко. Счастливо. Так, что Купол над его головой на долю секунды меняет цвет с мертвенно-серого на бледно-розовый.

Датчики на стенах камеры заходятся истеричным писком. Уровень выброса превышает норму. Если Смотрители зафиксируют этот пик, за мужчиной придут не Стиратели, а Утилизаторы.

— Быстрее, Каэ, — хрипит в ухе голос моего напарника, Рена. Он стоит за зеркальным стеклом операторской. — Ты тянешь время.

Я не тяну. Я просто на секунду ослабляю хватку. Позво-

ляю чужой радости коснуться моих собственных мертвых нервов.

Каково это — улыбаться бумажному цветку?

— Протокол «Пепел», — повторяю я и поворачиваю кольцо на иньекторе.

Игла впрыскивает нейротоксин.

Чужая жизнь в моей голове рассыпается на пиксели. Радость выжигается, оставляя после себя черную, жирную пустоту. Мужчина на кушетке обмякает. Его глаза все еще открыты, но теперь они похожи на два куска мутного стекла.

— Пульс стабилен, — докладывает Рен. — Эмоциональный фон — ноль. Запускай утилизацию объекта.

Санитары отстегивают ремни. Перекладывают обмякшее тело на каталку. Мужчина моргает. Медленно, тяжело. Он будет жить. Он даже пойдет завтра на свою смену в литейный цех. Но он больше никогда не вспомнит, как звали его дочь. Для него она станет просто шумным биомусором, который мешал спать после ночной смены.

Я сдергиваю с затылка мокрые от пота контакты коннектора. Меня тошнит. Не от чужой памяти — от пустоты, которая остается после меня.

— Следующий, — бросает Рен. — У нас график. Еще двое до пересменки.

Я встаю. Ноги дрожат. В ушах звенит от тишины — после подключения к чужому мозгу всегда звенит.

Я подхожу к зеркальному стеклу операторской. Рен сидит

в кресле, закинув ноги на пульт. Он из Касты Смотрителей, второй уровень. Его форма сшита из настоящей ткани, а не из переработанного пластика, как моя.

— Каэла, — он щелкает пальцами перед моим лицом. — Ты опять пялишься в стену.

— У пациента была аномалия, — говорю я, отворачиваясь от стекла. — Уровень выброса. Купол едва не сменил спектр. Рен лениво разворачивается в кресле.

— Купол жрет всё, Каэ. Это его работа. Твоя работа — подавать ему еду. Не смотри на пациентов. Они — пустые сосуды.

Я киваю. Я киваю уже пять лет. С тех пор, как Смотрители забрали меня из приюта Двенадцатого сектора, отмыли, вживили коннектор и научили убивать чужое счастье.

Я выхожу из стерильной белой камеры в серый коридор Блока Стирания. Здесь всегда пахнет дезинфекцией и страхом. Страх — единственная эмоция, которую Смотрители разрешают оставлять людям. Она питает Купол ровно настолько, чтобы он не схлопнулся, но недостаточно, чтобы люди начали бунтовать.

В конце коридора, у аварийного шлюза, что-то искрит.

Это не лампа. Ламп в Мегалополисе нет, только холодный биосвет на стенах. Искры сыплются прямо из распределительного щитка. Медная оплетка проводов чернеет и осыпается пеплом на пол.

— Сбой в секторе Гамма, — равнодушно сообщает меха-

нический голос из потолка. — Ожидайте бригаду.

Я замираю.

Провода не должны гореть. Полимер Купола глушит любые электромагнитные импульсы.

Я делаю шаг к щитку. Искры вспыхивают ярче, реагируя на мое приближение. Воздух вокруг начинает дрожать, как над раскаленным асфальтом. Мое сердце пропускает удар, а затем начинает колотиться о ребра — быстро, громко, выдавая уровень страха, который наверняка уже покраснел на мониторах Рена.

Я опускаю взгляд на свои руки.

Кожа на ладонях пошла мелкими трещинами, из которых сочится бледно-синее свечение. То самое, что я видела в сигналах счастливого отца.

— Каэла! — орет Рен из-за стекла. — Отойди от щитка! Ты сожжешь блок!

Я не могу отойти. Мое тело наливается странной, звенящей силой. Той самой, которую я отбираю у других и сливаю в утилизаторы.

Щелчок замка.

Тяжелая гермодверь в конце коридора открывается. Оттуда, из запретного Технического сектора, куда Стирателям вход заказан, выходит человек.

На нем нет респиратора. Его одежда — это лохмотья, перемотанные медной проволокой. Он идет прямо на меня, и от него исходит жар, как от печи.

А за его спиной, в темноте шлюза, я вижу то, чего не существует.

Там горит настоящий, живой огонь. И он не плавит стены.
— Ты горишь, Стиратель, — говорит человек, останавливаясь в пяти шагах от меня. Его глаза цвета старой ржавчины. — Купол чувствует твой дефект. Он хочет тебя съесть.

Я открываю рот, чтобы позвать санитаров, но вместо крика из горла вырывается сноп синих искр.

Моя стерильная, пустая, идеальная жизнь осыпается пеплом прямо на кафельный пол.

Человек в лохмотьях улыбается.

— Меня зовут Финн. И нам нужно выбирать, пока Смотрители не решили, что ты — брак, подлежащий утилизации.

Глава 2

Воздух в коридоре густеет. Я чувствую его вкус — металлический, как кровь, и сладкий, как гниющие фрукты. Так пахнет перегретый полимер Купола, когда он готовится поглотить аномалию.

Смотрители учили нас: если объект искрит, отойди на три метра и активируй протокол «Клетка». Искры убивают Стирателей быстрее, чем Утилизаторы. Коннектор на моем затылке раскален. Я пытаюсь сбросить напряжение в пол, как нас учили на симуляторах, но ток не уходит. Он пляшет под моей кожей, ищет выход.

— Ты брак, Каэла, — голос Рена из динамика под потолком звучит теперь не лениво, а хищно. — Твой эмоциональный фон — четыреста единиц. Это не страх. Это восторг. Ты нарушила Третью директиву.

Я перевожу взгляд на Финна. Он не боится. Стоит, расставив ноги в грубых ботинках на толстой пробковой подошве, и смотрит на мои руки. Искры срываются с моих пальцев и тонут в медной проволоке, обмотанной вокруг его предплечья. Проволока жадно всасывает их, не чернея.

— Купол сейчас позовет Псов, — говорит Финн. Его голос низкий, сорванный. — У тебя есть полторы минуты, пока сервоприводы гермодвери в конце коридора не заблокируют нас здесь навсегда. После этого твой мозг вскипит пря-

мо в черепе.

— Я Стиратель, — хриплю я. Язык едва ворочается. — Я работаю на Смотрителей. Я должна тебя задержать.

Финн делает шаг вперед. От него веет сухим жаром, как от пустыни за Внешним Периметром, о которой рассказывают только в легендах трущоб.

— Ты ничего им не должна. Посмотри на свои ладони, Каэла. Ты — генератор. Они годами выкачивали из тебя то, что ты сама боялась в себе увидеть.

Он протягивает руку. Между его большим и указательным пальцем проскакивает белая искра.

— Дай мне правую ладонь.

— Отойди от объекта! — надывается Рен. — Служба безопасности, сектор Гамма, код «Изъятие», уровень угрозы — Альфа!

Сирена в коридоре включается с оглушительным воем. Красный аварийный свет заливают стены, превращая стерильный кафель в дно кровавого бассейна.

Я смотрю на свою правую руку. Кожа на ней лопнула от запястья до костяшек. Из-под лоскутов эпидермиса сочится не кровь, а густое синее пламя. Оно не обжигает меня, но я знаю: стоит мне коснуться стены, и Блок Стирания сложится внутрь, как карточный домик.

— Они убьют тебя, — говорю я Финну. — Я видела Утилизаторов. Они растворяют тело, пока человек еще дышит.

— Утилизаторы едут за тобой, а не за мной, — Финн со-

кращает дистанцию. Он выше меня на голову. Его тень накрывает меня, отрезая от красных ламп. — Меня они даже не увидят. А вот ты сейчас сгоришь. Или пойдешь со мной.

Он хватает меня за запястье.

Ожидание боли. Ожидание того, что его плоть обуглится от моего прикосновения, что его отбросит к стене с выжженной грудной клеткой.

Но ничего не происходит.

Его кожа горячая, да, почти нестерпимо горячая, но она не горит. Медная проволока на его руке вспыхивает, принимая на себя избыток моего тока. По ней пробегает волна, и Финн тихо выдыхает сквозь зубы, словно выпил крепкого спирта.

— Хороший заряд, — говорит он. — Хватит, чтобы сжечь их автоматику.

В дальнем конце коридора, там, где находится лифт для Смотрителей, с грохотом падает решетка. Из шахты вываливаются Псы.

Их не назовешь людьми. Когда-то это были солдаты, но Смотрители сняли с них лишнее — кожу, чтобы не тратить на форму, и половину мозга, оставив только базовый инстинкт захвата. Их мышцы переплетены черными синтетическими жгутами, которые пульсируют гидравликой. В пустых глазницах — линзы оптических прицелов.

Они двигаются неестественно быстро. Слишком быстро для искалеченных тел. Первый Пес сшибает пустую каталку, на которой я пять минут назад везла счастливого отца. Ка-

талка сминается в гармошку.

— Беги к техническому шлюзу! — кричит Финн.

Он отпускает мою руку. Я отшатываюсь, прижимая горящие ладони к груди. Огонь пульсирует в такт моему сердцу.

Первый Пес скидывает руку. Вместо пальцев у него — иглы инъекторов.

Я делаю единственное, что умею.

Я закрываю глаза и тянусь к нему сознанием. Это рефлекс, вбитый пятилетней практикой. Найти центр удовольствия. Выжечь его. Оставить пустоту.

Коннектор на затылке воеет от перегрузки. Я врываюсь в разум Пса.

И натыкаюсь на бетонную стену.

В его голове нет радости. Нет страха. Нет ярости. Там вообще нет цвета, только серая, вязкая, бесконечная тишина мертвого механизма. Мои нейронные щупы соскальзывают. Протокол «Пепел» здесь бесполезен. Нельзя сжечь то, что не горит.

Пес делает выпад. Иглы чиркают по воздуху в сантиметре от моего лица. Я падаю на спину, больно ударяясь затылком о кафель.

— Он пустой! — кричу я Финну. — Он пустой внутри!

Финн не отвечает. Он стоит перед вторым Псом.

Искры теперь срываются не с моих рук, а с него самого. Воздух вокруг Финна дрожит и идет волнами. Он поднимает руки, и жар становится видимым — он искажает простран-

ство, как марево над рельсами в жару.

Пес вскидывает иньектор.

Финн хлопает в ладоши.

Звук получается глухим, но от него по коридору идет ударная волна. Красного света становится меньше — лампы лопаются, осыпая нас стеклянной крошкой. Пса отрывает от пола и с силой швыряет в гермодверь лифта. Металл прогибается внутрь с жалобным стоном. Пес сползает на пол бесформенной грудой искаленного пластика и разорванных жгутов.

Я моргаю, пытаюсь прогнать цветные пятна перед глазами.

Финн стоит, тяжело дыша. От него валит пар. Медная проволока на его руках раскалилась докрасна и теперь медленно остывает, тускнея.

— Они не пустые, — говорит он, перешагивая через обездвиженное тело. — Они полные. До краев налиты синтетическим протоколом Смотрителей. Ты пыталась лечить пожар бензином. Вставай.

Он протягивает мне руку. Я смотрю на его ладонь, потом на свои собственные, по которым все еще бегают синие змейки.

Сирена воет. В шахте лифта за спиной Финна начинают скрежетать сервоприводы — вторая партия Псов уже спускается.

Я хватаюсь за его руку.

Его хватка железная. Он рывком ставит меня на ноги и

толкает в сторону технического шлюза, который я до этого принимала за глухую стену. Оказывается, это была замаскированная панель. Финн бьет по ней кулаком, и металл проваливается внутрь.

— У Стирателей есть один изъян, — бросает он на бегу, заталкивая меня в узкую вентиляционную трубу, пахнущую озоном и машинным маслом. — Вы сжигаете только то, что похоже на вас самих. Живое. А Смотрители давно перестали быть живыми.

Труба узкая. Я ползу первой, обдирая плечи о гофрированный металл. За спиной, в коридоре Блока Стирания, раздается оглушительный взрыв. Пол под нами вздрагивает.

Это Финн хлопнул в ладоши еще раз.

Свет в конце трубы становится ярче. Мы вываливаемся в коллектор для сточных вод Четвертого сектора. Здесь стоит вонь немых тел, гниющей синтетики и дешевого спирта.

Здесь воняет свободой.

Финн падает на колени рядом со мной, упираясь руками в мокрый бетон. Его трясет. По вискам градом катится пот.

— У тебя есть десять минут, — говорит он, глядя на зарешеченное отверстие высоко под потолком, через которое едва пробивается серый свет Купола. — Потом они перекроют шлюзы и пустят газ.

Я сажусь, обхватив колени. Мое синее пламя погасло. Руки дрожат, но кожа на них снова целая, если не считать глубоких ожогов, которые уже начинают затягиваться странной,

перламутровой пленкой.

Я смотрю на свои ладони.

Пять лет я была хирургом, вырезающим душу.

Кажется, сегодня утром я вырезала свою собственную.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, поднимая глаза на Финна.

Он вытирает рот тыльной стороной ладони. На его губе лопается кровавый волдырь — цена за тот хлопок.

— В Нижний город. К тем, кто еще умеет чувствовать так, что от этого плавится сталь. Тебе нужно научиться контролировать это, — он кивает на мои руки, — прежде чем Смотритеры придут забирать свой сломанный инструмент.

Глава 3

Нижний город начинается там, где заканчивается фильтрация воздуха.

Лестница, ведущая вниз от технического шлюза, пахнет сыростью и озоном. Финн спускается первым, освещая путь старым химическим фонарем. Его мертвенно-зеленый свет выхватывает из темноты ступени, покрытые скользким мхом. Я иду следом, стараясь не касаться стен. Бетон здесь дышит. Он покрыт пульсирующей слизью — это нижние отростки Купола, которые просачиваются сквозь трещины фундамента в поисках органики.

— Не трогай, — бросает Финн, не оборачиваясь. — Эта дрянь растворяет подошву за минуту.

Я отдергиваю руку. Мои ладони, которые пять минут назад извергали синее пламя, сейчас кажутся мне чужими. Они покрыты коркой запекшейся крови и грязи из вентиляции. Под коркой кожа пульсирует странным, глухим жаром.

— Почему я не сгорела? — спрашиваю я, когда мы спускаемся ниже уровня подземных парковок. Здесь эхо разносит каждый звук, превращая наши шаги в марш похоронной процессии. — Когда ты взял меня за руку. Любой, кто касался Стирателя в момент выброса, превращался в пепел. Так написано в протоколах.

Финн останавливается. Фонарь в его руке гаснет на секун-

ду, вспыхнув напоследок ядовитой зеленью. Он оборачивается. В полумраке его лицо кажется высеченным из камня — острые скулы, тени в глазницах.

— Потому что ты не Стиратель, Каэла. Ты — Источник. Стиратель — это просто лейка, через которую Смотрители сливают украденную воду. А ты — колодец. Я не сгорел, потому что я — Проводник. Медь на моих руках любит твой ток. Мы с тобой — части одной цепи.

Он отворачивается и продолжает спуск.

— Смотрители не создают аномалии. Они их боятся до судорог. Тебя нашли в трущобах Двенадцатого сектора, когда тебе было семь. Ты тогда сожгла целый распределительный узел. Не специально. Просто заплакала, когда у тебя забрали игрушку. Они не вылечили тебя. Они просто вставили в твой затылок воронку, чтобы доить.

Я спотыкаюсь.

Семь лет. Я помню приют. Помню холодные полы и синтетическую кашу. Но я не помню, чтобы что-то горело. Моя память — это ровный, серый коридор, в конце которого стоит кресло Стирателя. Рен был там всегда. Он курировал мое обучение.

Рен знал. Он всегда знал, что я брак, и держал меня на коротком поводке, пока я сжигала чужие улыбки.

Лестница заканчивается. Мы выходим в коллектор.

Нижний город — это не просто подвалы. Это огромный, гниющий муравейник, вросший в кости Мегалополиса. Здесь

нет биосвета. Пространство между бетонными опорами затянуто паутиной, которая светится тусклым, мертвенно-желтым светом. По рельсам узкоколейки, вросшим в грязь, ползут ржавые вагонетки, которые тянут люди в лохмотьях.

Здесь шумно. Гул голосов, скрежет металла, плач детей, запах жареного на настоящем масле мяса — все это бьет по ушам после стерильной тишины Блока Стирания.

Люди здесь одеты в лоскуты пластика, кожи и настоящей, редчайшей ткани. У многих лица изуродованы — кто-то пытался починить старый генератор, кого-то задело выбросом аномалии.

И никто не носит респираторов.

— Закрой рот, — Финн толкает меня в тень под опорой. — Не смотри на них так. Ты светишься, как маяк. Патрули Верхнего города спускаются сюда с тепловизорами.

— Патрули? — я вжимаюсь в холодную стену. — Смотрители не спускаются ниже Третьего сектора.

— Не Смотрители, — Финн усмехается, обнажая зубы. — Служба Санации. Смотритеры — это менеджеры. Они нажимают кнопки. А Санация — это дворники. Они убирают мусор, который осмелился пахнуть не по протоколу.

Он берет меня за локоть и ведет вглубь узкого прохода между двумя обрушенными бетонными плитами. Проход выводит нас на «улицу» — широкую трубу, по дну которой течет река из нечистот и химикатов. Через нее переброшены гниющие деревянные мостки.

— Мы идем в «Искру», — говорит Финн. — Это единственное место в Нижнем городе, где еще чинят старые микросхемы. И единственное место, где тебя не сдадут Смотрителям за банку белкового концентрата.

Мы идем мимо открытых дверей жилищ, вырытых прямо в бетоне. Оттуда несет отчаянием и дешевым самогоном. На перекрестке труб я вижу сцену, от которой у меня перехватывает дыхание.

Двое мужчин в кожаных фартуках держат третьего. Третий бьется в припадке. Его глаза закатились, изо рта идет пена, а руки... его руки объаты настоящим, рыжим пламенем. Огонь лижет низкий бетонный свод, но не прожигает его.

Один из держащих бьет припадочного по лицу.

— Выдыхай, дурак! Выдыхай, пока коллектор не спалил!

Огонь гаснет. Мужчину бросают в лужу. Он кашляет, выплевывая воду.

— Выброс, — равнодушно говорит прохожий, наступая на чей-то протез. — Опять из новеньких. Не удержал.

Я останавливаюсь как вкопанная.

— Это... это то же самое, что и у меня?

Финн замедляет шаг. Он смотрит на догорающие искры в луже.

— Почти. Это Спонтанные. Они горят, но они неуправляемы. Они сжигают себя за пару лет. Смотрители называют это «Эпидемией Эпилепсии», чтобы не пугать Верхний город. А мы называем это «Дар». Только без учителя Дар ста-

новится проклятием.

Он кивает вперед.

Мы выходим в огромный цилиндрический зал — старую вентиляционную шахту. Здесь нет вони нечистот. Воздух пахнет озоном, канифолью и машинным маслом. Стены шахты до самого верха, где во тьме угадывается решетка, закрыты стеллажами. На полках — сокровища мертвого мира: платы, процессоры, мотки чистой медной проволоки, вакуумные лампы, которые не должны существовать после Великой Вспышки.

В центре зала, подвешенное на цепях к потолку, висит нечто, похожее на огромное, пульсирующее сердце из проводов и стекла. От него исходит ровный, успокаивающий гул.

— Добро пожаловать в «Искру», — Финн выпускает мой локоть. — Здесь заправляют мои друзья.

Из-за стеллажа с микросхемами выходит женщина.

Она высокая, худая, и у нее нет левой руки по локоть. Вместо нее — сложный механизм из шестеренок и стеклянных трубок, внутри которых переливается какая-то жидкость. Но пугает не протез. Пугают ее глаза. Они абсолютно черные, без белков и радужки — сплошные антрацитовые сферы.

— Ты привел Стирателя, Финн, — говорит она. Ее голос лишен эмоций, он звучит как треск статического электричества. — Смотрители выжгут этот сектор дотла, если найдут ее здесь.

— Она больше не Стиратель, Мира, — Финн подходит к

ней. — Она оторвалась. Каэла, это Мирослава. Она видит токи без всяких коннекторов.

Мира обходит меня по кругу. Ее механическая рука тихо жужжит сервоприводом. Она останавливается за моей спиной. Я чувствую, как по шее, прямо под волосами, проходит волна холода.

— У тебя там не воронка, — говорит Мира. — У тебя там рваная рана. Они выдирали твой коннектор. На живую.

Я вспоминаю вспышку в коридоре. Боль, которая была не просто болью, а абсолютным, всепоглощающим белым шумом.

— Рен, — выдыхаю я. — Мой куратор. Он активировал протокол аварийного извлечения.

— Он пытался тебя убить, — констатирует Мира. — Когда Стиратель превышает лимит, система должна сжечь ему затылок, чтобы спасти Купол от перегрузки. Рен выставил лимит в ноль.

Она делает шаг назад.

— Хорошо. Раз ты жива, значит, Купол тебя выплюнул. Значит, ты ему больше не нужна.

Мира щелкает пальцами. Из темноты между стеллажами выходят еще трое. Мужчина с лицом, полностью состоящим из биопластика (я вижу, как под прозрачной кожей перекачивается жидкость), и двое подростков, чьи шеи усеяны самодельными разъемами.

— Какая у тебя специализация, Стиратель? — спраши-

вает Мира, глядя на меня своими черными глазами. — Радость? Страх? Гнев?

Я смотрю на свои руки.

— Я не знаю. Я просто... сжигала.

Мира едва заметно улыбается уголком губ.

— Ты сжигала всё. Ты — чистый выброс.

Она поворачивается к Финну.

— Если Смотрители пустят газ, ее пламя подожжет кол-лекторы. Нас похоронит под обломками Мегаполиса.

— Значит, мы не дадим им пустить газ, — спокойно отвечает Финн. — У тебя есть схемы старых систем вентиляции, Мира?

Мира молча уходит в темноту между стеллажей. Возвращается через минуту с тяжелым планшетом из настоящего металла.

— Схемы есть. Но чтобы перехватить управление газовыми шлюзами Четвертого сектора, нужен ключ доступа первого уровня. Ключ, который есть только у Смотрителей. Или у их персональных Стирателей.

Финн смотрит на меня.

В его рыжей радужке пляшут отблески светящихся пау-тин.

— Рен знает твой предел, Каэла. Он знает, как заставить тебя светиться.

Я смотрю на черный планшет в руках Миры. На Верхний город, который висит у нас над головами, переваривая жиз-

ни.

На свои руки, которые все еще помнят запах озона от сожженного счастья.

— Отведите меня к нему, — говорю я. — Я хочу сжечь его улыбку.

Глава 4

Подниматься всегда тяжелее, чем падать.

Мы шли по техническим шахтам для обслуживания Ку-пола. Здесь не было ни паутины, ни рек нечистот — только гул тысяч тонн живого полимера, перекачивающего кровь Мегополиса. Стены шахты пульсировали в такт сердцебиению города. Это был влажный, чавкающий звук. Если приложить к бетону ладонь, можно было почувствовать, как по гигантским артериям течет густая, светящаяся лимфа.

— Не касайся белого, — в десятый раз повторил Финн, подтягивая меня за руку на очередной уступ. — Это пищевод. Купол голоден. Если он решит, что ты — лишняя органика, он просто растворит твои кости, не меняя цвета.

Я кивнула, стараясь дышать через раз. Воздух здесь был густым, насыщенным озоном и запахом озерной тины. Мои ладони, перемотанные грязными бинтами поверх ожогов, зудели. После того как Рен вырвал мой коннектор, контроль над выбросом исчез. Я чувствовала, как под кожей скапливается сухой, статический жар. Любое резкое движение — и я вспыхну, как факел в бочке с бензином.

— Третий уровень, — сказала Мира, идущая впереди. Ее механическая рука с тихим щелчком трансформировалась: пальцы втянулись, и на их месте выдвинулось тонкое, длинное жало из черного стекла. — Кабинет Рена находит-

ся на смотровой палубе «А». Это зона нулевой фильтрации. Там нет датчиков Санации, только биосканеры Смотрителей. Они засекут твой выброс за сто метров.

— Значит, мы не будем светиться, — бросил через плечо Финн.

Он остановился у массивной гермодвери, украшенной логотипом Мегаполиса — стилизованным глазом, заключенным в шестеренку. Дверь была заперта.

Мира подошла вплотную. Ее черные глаза на секунду стали матовыми, словно кто-то опустил внутри них заслонки.

— Замок старый. Серия «Титан», до Вспышки такие ставили на банковских хранилищах.

— До Вспышки не было живого пластика, — хмыкнул Финн. — Что видишь?

— Вижу медь. Вижу страх охранника, который сидит за ней. Он боится, что его переведут в Санацию за лишний вес. Страх — это ржавчина.

Мира прижала свое стеклянное жало к электронному считывателю. По черной поверхности пробежала искра. Жужжание сервоприводов сменилось глухим металлическим лязгом. Тяжелые засовы толщиной с мою руку поползли в стороны.

— Идем, — Мира отступила. — У нас три минуты, пока он не очнется от шока и не нажал кнопку вызова.

Мы вошли в шлюз.

Верхний город ударил по глазам стерильной белизной.

Здесь не было бетона. Пол, стены и потолок смотровой палубы «А» представляли собой единый кокон из матового, молочного полимера. Под ногами он слегка пружинил. В центре зала, занимая половину пространства, висела трехмерная проекция Мегаполиса. Огромная пульсирующая сфера, разделенная на светящиеся сектора.

И везде, в каждом секторе, мигали красные точки.

— Уровень выброса в трущобах, — прошептала я. — Они видят Нижний город.

— Они всегда его видели, — ответил Финн. Он подошел к панорамному окну во всю стену. — Просто им плевать, пока Купол сыт.

За окном не было неба. Там была верхняя часть живого пузыря. Сквозь его полупрозрачные стенки пробивался тусклый, больной свет внешнего мира — серое, затянутое пеплом небо. А прямо под нами, на расстоянии сотен метров, лежал Нижний город. С этой высоты он казался просто темным пятном, гнойником на теле Мегаполиса.

— Где он? — спросила Мира, сканируя помещение своим черным стеклом.

— В зоне отдыха, — Финн кивнул на арку в дальнем конце зала.

Я пошла первой. Мои ноги в грубых ботинках Финна ступали по пружинящему полу бесшумно. Мое тело, затянутое в серый комбинезон Стирателя, который Финн стащил для меня в коллекторе, не должно было вызывать подозрений,

если не смотреть в лицо.

Мы прошли мимо голографических садов. В них росли идеальные, никогда не вянущие лилии. Я протянула руку, и мои пальцы прошли сквозь лепесток, не ощутив ничего, кроме холодного кода проекции.

Рен сидел в кресле из белой кожи.

Он был без формы. В одной руке — бокал с настоящей янтарной жидкостью, в другой — тонкий планшет. На его коленях лежала накидка Смотрителя первого уровня, расшитая серебряной нитью.

Он смотрел в панорамное окно, на серый пепел за пределами Купола.

Услышав наши шаги, он лениво повернул голову.

Его лицо не изменилось. Ни удивления, ни страха. Только легкое раздражение, как будто муха прервала его послеобеденный сон.

— Мира, — сказал он, делая глоток. — Я думал, Санация уже спустила тебя в утилизатор вместе с твоим цирком уродов. А это что за грязь? — его взгляд скользнул по Финну. — Ах да. Финн. Мальчик, который слишком сильно любит жизнь.

Потом его глаза нашли меня.

— Каэла.

Он поставил бокал на стеклянный столик. Жидкость даже не дрогнула.

— Я же говорил, что ты брак. Протокол извлечения был

актом милосердия. Твой мозг уже превратился в яичницу, просто тело еще этого не поняло. Зачем ты пришла? Попрошаться?

Я сделала шаг вперед.

Мои руки вспыхнули.

Синее пламя рвануло из-под бинтов, мгновенно расплавив подлокотник кресла, у которого я стояла. Воздух запах озоном. Голографические лилии в радиусе трех метров зашипели, их код не выдержал температуры, и они осыпались на пол серым пеплом.

Рен даже не моргнул.

— Всё еще ноль контроля, — он вздохнул. — Как предсказуемо.

Он щелкнул пальцами.

Свет в зале мигнул. Из скрытых панелей в стенах и потолке ударили струи прозрачного газа.

— Паралитик «Морфей-4», — пояснил Рен, прикрывая нос рукавом дорогого костюма. — Специальная формула. Не глушит эмоции, только двигательные функции. Для Стирателей он безвреден, у вас атрофированы нервные окончания. А вот для твоих друзей, Каэла, это будет очень долгий и мучительный сон.

Я попыталась шагнуть к нему, но ноги подкосились. Полимерный пол стал вязким, как смола. Финн, стоявший слева, рухнул на колени, пытаясь удержать равновесие. Его руки вспыхнули красным, пытаясь сжечь газ, но пламя тут же

задохнулось в химической взвеси.

Мира стояла неподвижно. Газ обтекал ее, не касаясь кожи.

— Ты забыл, кто проектировал систему вентиляции этого сектора, Рен, — ее голос звучал ровно. — Мои фильтры не пропускают органику.

— Мне плевать на твою механику, — Рен медленно встал. Он подошел ко мне, перешагнув через задыхающегося Финна. — Мне нужна она.

Он схватил меня за подбородок. Его пальцы были холодными и жесткими.

— Посмотри на меня, Стиратель.

Я подняла глаза.

В его взгляде не было злости. Там была пустота Смотрителя — выверенная, математическая, безопасная.

— Ты думаешь, ты сбежала? — прошептал он мне в лицо. — Ты — моя лучшая работа, Каэла. Я не вырвал твой коннектор. Я снял с тебя намордник.

Мое сердце пропустило удар. А затем еще один.

В ушах зашумела кровь.

— Что?

— Ты горишь не потому, что ты аномалия, — Рен улыбнулся. Улыбка была идеальной, симметричной, отрепетированной перед зеркалом тысячи раз. — Ты горишь, потому что я этого хочу. Я оставил в твоём мозгу маяк. Санация спустит газ в Нижний город через четыре минуты. Я просто нажму кнопку на этом планшете, и ты, — он сжал мой подбородок

док так, что затрещали зубы, — превратишь «Искру» Миры в озеро расплавленного стекла. Ты сама убьешь их всех. Разве не прекрасно? Абсолютная преданность через абсолютную свободу.

Он толкнул меня. Я упала на колени в лужу растекающегося паралитика.

Рен отвернулся. Он пошел к своему рабочему терминалу, напевая под нос старую колыбельную.

И в этот момент я поняла.

Он не просто Смотритель. Он — Архитектор. Тот, кто создал систему Стирания. И он только что признался, что я — его ключ к полному контролю над Мегополисом.

Я упала лицом вперед. Мои руки коснулись пола.

Паралитик «Морфей-4» должен был превратить мои мышцы в желе. Но вместо холода я почувствовала, как полимер под моими ладонями начинает плавиться.

Я вцепилась в него.

Я не пыталась сжечь. Я сделала то, чего Рен никогда от меня не ждал.

Я сделала то, что делают Стиратели.

Я потянулась к нему. Не руками. Сознанием.

Я нашла его улыбку. Ту самую, идеальную, пустую улыбку Смотрителя. Я нашла центр его удовольствия от контроля.

И я не стала жечь его гневом. Я ударила его собственным оружием.

Я выкачала из него всё.

Всю его пустоту. Всю его выверенную, математическую, безопасную тишину.

Рен замер у терминала. Его спина напряглась.

— Что за... — прохрипел он.

Он обернулся.

Его идеальное лицо исказилось. Глаза вылезли из орбит. Он схватился за горло.

Я забирала у него не радость. Я забирала у него *ничто*.

Для человека, который построил свою личность на отсутствии эмоций, потеря пустоты — это агония. Он остался наедине с первобытным ужасом, который Смотрители вырезали из себя поколения назад.

Рен рухнул на пол, царапая шею. Из его рта пошла пена.

Газ в зале перестал поступать.

Мира подошла ко мне, ее механическая рука снова стала пальцами. Она присела рядом.

— Ты не сожгла его, — констатировала она, глядя на дергающееся тело моего куратора. — Ты выпотрошила его. Оставила только сырое мясо.

Я подняла голову. Мое синее пламя погасло. Я чувствовала себя абсолютно, звеняще пустой. Но это была моя пустота.

— Где кнопка? — спросила я, глядя на планшет, который выронил Рен.

Мира подняла устройство. Ее черные глаза пробежались по строкам кода.

— Газ в Нижнем городе отменен. Но он успел отправить

сигнал.

— Какой сигнал? — Финн подошел сзади, тяжело опираясь на оплавленный косяк двери. Его волосы дымились.

Мира подняла на нас свой антрацитовый взгляд. В ее черных сферах отражались наши лица — грязные, обожженные, перемазанные пеплом голографических лилий.

— Сигнал «Абсолютная изоляция». Рен запер Купол.

Механический голос из скрытых динамиков под потолком, лишенный всяких интонаций, подтвердил ее слова, разнесясь по всей палубе «А»:

— ВНИМАНИЕ. ВНЕШНИЕ ВОРОТА КУПОЛА ЗАБЛОКИРОВАНЫ. КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕГРЕВ ПОЛИМЕРА. ОЖИДАЕМОЕ ВРЕМЯ ДО ПОЛНОГО СХЛОПЫВАНИЯ СФЕРЫ — СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ. ПРИЯТНОГО ДНЯ.

Глава 5

Сорок восемь часов.

Голос Купола повторил это трижды, с интервалом в тридцать секунд, словно пытался вбить цифру в наши черепа, как гвоздь. Затем динамики зашипели и отключились. В наступившей тишине было слышно только тяжелое дыхание Финна и ровное, механическое гудение руки Миры.

Я сидела на полу, привалившись спиной к оплавленному терминалу. Пустота внутри меня больше не звенела. Она превратилась в свинец. Выкачав Рена, я забрала слишком много. Его выверенная, мертвая тишина теперь текла по моим венам вместо крови. Я чувствовала каждую пылинку в воздухе, каждую вибрацию живого пластика над головой, но не чувствовала собственного пульса.

— Он сошел с ума, — Финн пнул тело куратора носком ботинка. Рен лежал в позе эмбриона, его лицо посерело, а на губах запеклась желтая пена. — Запереть сорок миллионов человек в пузыре, который сейчас начнет переваривать сам себя.

— Он не сошел с ума, — Мира подошла к панорамному окну. — Это математика. Купол — это паразит. Сорок восемь часов назад он питался страхом трущоб и покорностью Верхнего города. Теперь Смотрителей нет. Рен был последним ретранслятором. Купол остался без еды.

Она прижала ладонь к стеклу.

— Сорок восемь часов — это время, за которое полимер исчерпает внутренние резервы. Когда голод станет критическим, Купол изменит химический состав своей лимфы. Он начнет растворять фундаменты башен. А затем сожрет нас всех. Включая «Искру».

— Значит, мы открываем ворота, — Финн выпрямился. Его трясло от адреналина, но в глазах горел знакомый рыжий огонь. — Где внешние шлюзы?

— На минус сотом уровне, — Мира обернулась. Ее черные глаза смотрели на Финна, потом на меня. — В ядре. Прямо под тем местом, где мы сейчас стоим. Чтобы туда попасть, нужно пройти через систему охлаждения. Температура там — плюс триста градусов по Цельсию. Полимер кипит.

— Ты же видишь токи, — Финн шагнул к ней. — Проведи нас.

— Я вижу токи, — медленно кивнула Мира. — Но я не могу ходить по расплавленному стеклу. Мои суставы расплавятся на первой сотне ступеней. А твой перегрев, Финн, убьет тебя за пять минут. Ты вспыхнешь, как промасленная ветошь.

Они посмотрели на меня.

Я закрыла глаза. Рен говорил, что я — ключ. Он оставил во мне маяк не просто так. Он знал, что только Источник может пройти через сердце Купола и не раствориться.

— Я пойду, — голос прозвучал хрипло, горло все еще сад-

нило от химического газа.

Я поднялась. Ноги держали.

— Рен сказал, что я — его лучшая работа. Он не просто так снял мой «намордник». Он готовил меня к этому. К ядру.

— К самоубийству он тебя готовил, — отрезала Мира. — Но у нас нет выбора. Если мы не откроем шлюзы, через двое суток Нижний город утонет в кипящем пластике.

Мира подошла к своему рабочему столу в углу зала и вернулась с инъектором, похожим на старинную авторучку с толстой иглой.

— Это «Криоксин». Военный стимулятор. Замедляет метаболизм, защищает клетки от термического шока. Действует двадцать минут. Я дам тебе три дозы. Это убьет почки, но даст тебе час.

Я закатала рукав комбинезона. Мира вонзила иглу в сгиб локтя. По руке мгновенно разлился мертвенный холод, поднимаясь к плечу и сковывая мышцы.

— Маршрут, — Мира протянула Финну тяжелый металлический планшет. — Спускаетесь по сервисной шахте «Л-14». Она завалена, придется расчищать. Дальше — по красной трубе. Не касайся желтых. Желтые — это желудочный сок.

Финн взял планшет, сунул его в карман и посмотрел на меня.

— Держись за моей спиной. Если увидишь, что я начинаю светиться ярче лампы — беги.

Мы подошли к гермодвери, которую Мира открыла своим жалом. За ней начиналась узкая винтовая лестница, сваренная из ржавой арматуры. Она уходила в абсолютную, непроглядную тьму. Оттуда тянуло жаром, как из доменной печи.

— Маяк, — вдруг сказал Финн, остановившись на первой ступени. Он смотрел на меня снизу вверх. — Рен говорил про маяк. Если он оставил его в тебе, Смотрители знают, где мы. Как только мы спустимся в незащищенные шахты, Санация будет ждать нас внизу.

— Они не ждут, — я покачала головой, чувствуя, как «Криоксин» вымывает из меня остатки тепла. — Рен запер Купол. Протокол «Изоляция» высшего уровня отключает все внешние каналы связи, чтобы предотвратить бунт. Смотрители не могут вызвать подкрепление. Санация заперта в своих казармах на верхних уровнях. Мы — призраки в запертой банке. Единственный, кто может нас остановить — это сам Купол.

Финн хмыкнул.

— Приятно знать, что нас будет жрать только четырехмиллиардный кусок живой слизи, а не отряд парней с огнеметами. Идем.

Мы начали спускаться.

Лестница вибрировала. С каждым пролетом вниз жар становился плотнее. Вскоре мне пришлось снять обрывки бинтов с рук — ткань начала тлеть. Кожа на ладонях снова пошла трещинами.

На пятидесятом уровне Финн остановился.

— Подожди.

Он присел на корточки. Внизу, под нами, шахта освещалась тусклым, пульсирующим багровым светом. По толстой трубе, идущей вдоль стены, текла вязкая, светящаяся оранжевая масса.

— Кровь Купола, — прошептал Финн. — Лимфа.

Он достал из-за пояса кусок арматуры. Сунул его в поток.

Металл зашипел. Арматура раскалилась докрасна за секунду, а затем начала истончаться, словно ее опустили в кислоту.

— Если ты оступишься, — Финн выдернул шипящий кусок железа, — ты станешь частью этого супа.

Мы продолжили путь.

На минус восьмидесятом уровне стены шахты стали гладкими и мягкими. Полимер здесь был живым. Он дышал. Сквозь полупрозрачные стены я видела соседние туннели, заполненные таким же кипящим оранжевым светом.

— Мы близко к желудку, — сказала Мира по комму. Ее голос в ухе звучал глухо. — Следующая площадка ведет в коллектор теплообменника. Там жарче всего.

Я коснулась стены.

Живой пластик под моими пальцами дрогнул. Он не был агрессивным. Он был... голодным. И одиноким.

Рен создал идеальный мир. Мир без боли, без слез, без неконтролируемого смеха. Он создал идеальную тишину. И

эта тишина теперь хотела жрать, чтобы заполнить пустоту внутри себя.

Я опустилась на колени прямо на раскаленную ступеньку. «Криоксин» держал меня в ледяной капсуле, но я чувствовала, как воздух вокруг готов вскипятить легкие.

— Мира, — сказала я в комм. — Что будет, если дать Куполу не страх?

— Он не умеет переваривать другие эмоции, — ответила она. — Любая сильная эмоция для него — яд. Радость его ослепляет. Гнев — заставляет сокращаться и выбрасывать лишнее тепло.

— А пустота? — спросила я. — Что будет, если дать ему ту тишину, которую Рен выкачивал из нас?

На том конце связи повисла пауза.

— Пустота — это отсутствие, Каэла. Ты не можешь дать то, чего нет.

— Рен оставил ее во мне, — я посмотрела на свои руки. Синее пламя рвалось наружу, пытаюсь сжечь этот жар. Но я сдержала его. — Он оставил мне всю тишину Верхнего города.

Я сняла комбинезон до пояса. Жар ударил в обнаженную кожу.

Я шагнула к стене.

Живой пластик потянулся ко мне, почувствовав источник энергии. Он выпустил тонкий, прозрачный щупальце, похожее на стеклянную нить. Оно коснулось моего плеча.

Оно не хотело меня жрать. Оно хотело пить.

Я закрыла глаза и сделала то, что Стиратели делали с людьми.

Я открыла заслонку.

Я вылила в пульсирующую стену не огонь. Я вылила в нее пустоту Рена. Всю его математическую, выверенную, мертвую программу.

Стена передо мной вспыхнула не синим, а ослепительно-белым, рентгеновским светом.

Полимер взревел. Не звуком — вибрацией, от которой лопались барабанные перепонки.

Оранжевая лимфа в трубах вокруг нас мгновенно застыла. Она превратилась в черный, хрупкий обсидиан.

— Каэла! — крик Финна потонул в реве Купола. — Что ты творишь?!

— Я его кормлю, — прошептала я, чувствуя, как «Криоксин» отступает и по венам растекается жидкий огонь.

Я прижалась к стене всем телом, обнимая живой пластик, как обнимают любовника.

Купол пил. Он всасывал в себя протоколы Смотрителей, алгоритмы Санации, пустоту миллионов кабинетов наверху. Он насыщался.

И когда последняя капля мертвой тишины Рена ушла в его плоть, Купол содрогнулся.

Багровый жар вокруг нас сменился ледяным, синим холодом.

Трубы теплообменника с грохотом лопнули. Кипящая лимфа хлынула вниз, но она была ледяной. Она тушила пламя ядра.

— Он... он блюет, — выдохнула Мира в комм. — Ты перекормила его. Система охлаждения пошла вразнос. Температура падает.

Я сползла по стене на пол. Мое тело горело. Кожа покрылась инеем снаружи и пеплом изнутри.

Финн подбежал ко мне, накиннул на плечи свой дымящийся плащ.

— Ты выглядишь как труп, — сказал он, пытаюсь поднять меня.

— У нас есть время? — прохрипела я.

Мира ответила не сразу. В ее голосе, обычно лишенном эмоций, прорезалось что-то похожее на страх:

— Время есть. Температура ядра упала до безопасной. Шлюзы разблокированы автоматически... протокол «Изоляция» аннулирован.

— Это хорошие новости, — Финн взвалил меня на плечо.

— Это очень плохие новости, Финн, — голос Миры стал стальным. — Ты был прав насчет маяка. Смотрители не могли вызвать Санацию внутрь. Но они слышали, как кричал Купол.

Я с трудом повернула голову.

Внизу, на минус сотом уровне, куда мы так стремились, в темноте шахты зажглись сотни пар красных линз.

Санадия все-таки пришла. Но они пришли не через двери. Они спустились по тепловым следам прямо через застывшую лимфу.

Мы заперли Купол снаружи.

А теперь мы оказались заперты внутри с волками.

Глава 6

Красные линзы не двигались.

Они висели в темноте минус сотого уровня, как глаза хищных насекомых, и просто смотрели на нас. Санация не стреляла. Массивные фигуры в тяжелой броне, вросшей в их тела, стояли на узком карнизе над пропастью теплообменника. Между нами было около тридцати метров искореженной арматуры и застывшая черная лимфа, покрывшая стены блестящей коркой.

— Они ждут приказа, — выдохнула Мира. Она стояла, прижавшись к ледяной стене, ее механическая рука тихо гудела, пытаясь согреть суставы. — У них нет командира. Рен был единственным, кто имел доступ к ядру. Без его нейросигнала протокол «Изоляция» снял блокировку дверей, но не передал управление штурмовыми отрядами. Они зависли.

— Значит, мы просто пройдем мимо, — Финн крепче обхватил меня за талию. Мое плечо под его рукой было горячим, как печная заслонка. «Криоксин» выгорал, оставляя после себя ломоту в костях и тошноту. — Идем, Каэла. Шевели ногами.

Я попыталась сделать шаг. Ноги подогнулись.

— Не могу, — прошептала я. — Он забрал слишком много.

Я отдала Куполу не только пустоту Рена. Чтобы остудить

ядро, мне пришлось слить и свой собственный жар. Тот самый, что пять лет копился под коннектором. Сейчас внутри меня была только выжженная земля и ледяной сквозняк.

— Они сейчас перезагрузятся, — Мира кивнула на красные линзы. — И откроют огонь на поражение.

Одна из фигур внизу шевельнулась. Сервоприводы заскрежетали. Боец Санации поднял тяжелую плазменную пушку. Ствол начал разгораться болезненным фиолетовым светом.

— Они не перезагружаются, — голос Финна стал низким, вибрирующим. — Они получают сигнал. Но не от Рена.

Он посмотрел на меня. В его рыжей радужке отражалось фиолетовое свечение пушки.

— Ты забрала у Рена протоколы, Каэла. Ты влила их в Купол. Но часть сигнала всегда идет по обратному контуру. Ты только что стала главным Смотрителем Мегалописа.

— Я не хочу... — начала я, но слова застряли в горле.

— Тебе и не нужно хотеть, — Финн толкнул меня за спину, ближе к стене. — Просто прикажи им.

Пушка внизу выстрелила. Сгусток фиолетовой плазмы с воем понесся к нам, плавя воздух.

Я не знала, как отдавать приказы. Я умела только сжигать и выкачивать.

Отчаяние ударило в голову. Я вцепилась в предплечье Финна. Моя рука вспыхнула — не синим, а болезненным, желтым пламенем перегрузки.

Я не стала целиться в пушку. Я нацелилась на того, кто ее держал.

Я потянулась к нему. Не к его радости или страху. Я искала в нем протокол подчинения. Ту самую мертвую тишину, которую Смотрители вшивали в каждого солдата Санации при рождении.

Стоять.

Слово не прозвучало. Оно просто возникло в пространстве.

Плазменный сгусток замер в десяти метрах от нас. Фиолетовое ядро пульсировало, но не двигалось с места.

Боец Санации, державший пушку, замер. Его красные линзы потускнели. Вся шеренга внизу, человек двадцать, застыла в тех позах, в которых их застал приказ. Сервоприводы жалобно взвизгнули, пытаясь преодолеть мышечный спазм.

— Работает, — прохрипела Мира. — Но ты сожжешь себя, если будешь держать их так долго.

— Мне не нужно их держать, — я закашлялась. Во рту был привкус крови и озона. — Мне нужен их ключ.

Я спустила «Стоять» на тормозах. Бойцы Санации не шелохнулись, но их глаза-линзы снова начали наливаться красным. Они сопротивлялись. Мой приказ был чужеродным, он пришел не по зашифрованному каналу Рена, а по открытому огню моего выброса.

— Финн, — я кивнула на застывшего впереди командира отряда. На его нагруднике мигала панель ручного дешифра-

тора. — Мне нужен его код доступа к внешним воротам.

Финн не стал задавать вопросов. Он отпустил меня.

Его ноги едва коснулись пола, как он сорвался с места.

Это не был бег человека. В тесной шахте, среди льда и арматуры, Финн двигался как разогретая ртуть. Он не уклонялся от конструкций — он использовал их. Оттолкнулся от стены, пробежал по потолку карниза, используя сцепление ботинок с наледью, и рухнул прямо на плечи застывшему командиру Санации.

Удар был страшным. Броня Санации рассчитана на взрывную волну, но не на падение двухсотфунтового объекта с ускорением свободного падения.

Финн не стал бить его руками. Он прижал свои ладони к нагруднику командира.

Раздался звук, похожий на шипение масла на сковороде.

Финн забирал жар. Не эмоции, а чистую термодинамику. Он вытягивал тепло из батарей брони, из самого тела солдата, чтобы не вспыхнуть самому.

Командир Санации обмяк. Его броня покрылась толстым слоем инея изнутри.

Финн отпрянул, тяжело дыша. Пар валил от него клубами. Он сорвал с груди мертвого солдата дешифрационный ключ — тяжелую металлическую печать с разъемом.

— Лови! — крикнул он Мире.

Мира поймала ключ механической рукой. Подбежала к главной панели шлюза — массивной двери из черного тита-

на, вросшей прямо в пульсирующую плоть Купола. Она воткнула разъем.

— Система просит биометрическую аутентификацию Смотрителя первого уровня, — сказала она, не оборачиваясь. — Рен мертв. Твой уровень — Стиратель. Доступ закрыт.

— Дай мне, — я оттолкнулась от стены.

Ноги держали. Ледяной холод «Криоксина» сменился лихорадочным жаром. Я подошла к панели.

Мира отступила.

Я положила ладонь на сканер.

Поверхность была холодной. Я чувствовала, как под титаном ворочается голодный, переваривающий сам себя Купол.

Я не стала бить током. Я сделала то, что умела лучше всего.

Я приложила к сканеру не руку, а свой коннектор. Тот самый огрызок нейрошунта, который Рен оставил в моем затылке.

Я пустила в дверь не электричество. Я пустила в нее протокол «Пепел».

Сканер не просто считал мои отпечатки. Он считал мою пустоту. Ту мертвую тишину, которую я выкачала из Рена и которая теперь заменяла мне кровь. Для системы безопасности Мегалополиса я была не Каэлой. Я была идеальным, абсолютным Смотрителем.

— Биометрия принята, — механическим голосом сооб-

щила панель. — Идентификатор: Архитектор. Уровень доступа: Абсолют.

Тяжелая дверь шлюза дрогнула.

Пол под ногами качнулся. Купол издал звук, похожий на вздох облегчения — глухой, утробный гул, прошедший сквозь кости.

Дверь начала открываться.

В шахту ворвался ледяной ветер.

За порогом не было серого пепла внешнего мира. Там была ночь. Настоящая, черная ночь, усыпанная колючими, далекими звездами. Я увидела луну — бледную, больную, но настоящую. И я вдохнула воздух, который не пах ничем. Ни дезинфекцией, ни озоном, ни страхом. Только озоном от грозы, прошедшей где-то далеко, и мокрой землей.

— Мы выбрались, — прошептал Финн за моей спиной. — Мы на Поверхности.

Красные линзы Санации внизу снова вспыхнули. Протокол «Изоляция» снят, внешние ворота открыты. Теперь они получили прямой приказ от выживших офицеров Верхнего города. Приказ, который стоял выше моего сбитого пламенного сигнала.

— Убить Архитектора, — прошелестел механический голос из кома на шее застывшего бойца. — Уничтожить угрозу. Закрыть шлюз любой ценой.

Фигуры внизу пришли в движение.

Сервоприводы взвыли, переходя в боевой режим. Плаз-

менные пушки начали наливатьс­я убийственным фиолетовым светом.

— Они перекроют выход через тридцать секунд, — Мира уже была у панели, ее пальцы с механической скоростью летали над кодом. — Я могу заклинить гидравлику. Но тогда мы останемся здесь навсегда. Купол умирает, Каэла. Если мы не выведем тепло из его ядра прямо сейчас, он взорвется. Нам нужно попасть в Геотермальный узел. Он в пяти километрах к западу.

Финн встал рядом со мной, плечом к плечу. Он больше не улыбался. Его лицо было бледным, на висках бились синие вены — он все еще остывал после Санации.

— Пять километров по радиоактивной пустоши. Без защиты.

Я посмотрела на своих спутников. На Механика, на Огневика и на Выгоревшую дотла Стирателя.

— Значит, побежим, — сказала я и шагнула в настоящую ночь.

Глава 7

Поверхность ударила по легким, как молот.

Первые три шага я сделала на чистом рефлексе, пытаюсь не упасть, пока легкие судорожно пытались вдохнуть воздух, в котором было слишком много кислорода и слишком мало фильтрованной синтетики. Небо оказалось не серым куполом, а бездонным черным колодезцем. Звезды висели так низко, что, казалось, их можно сбить рукой. Луна заливала пепельные дюны мертвенно-серебряным светом.

Мы вышли из-под тени Купола.

Словно пересекли границу между жизнью и смертью.

Сзади, со стороны уходящей в землю титановой плиты шлюза, донесся оглушительный скрежет.

— Закрывают, — выдохнула Мира, прикрывая механические глаза ладонью. Она смотрела на запад, куда нам предстояло бежать. — Геотермальный узел — это вон те красные вспышки у горизонта. Пять километров по открытому пространству.

— По открытому пространству, где нас ждут, — Финн сплюнул на серый песок. Слюна зашипела. — Санация не идиоты. Как только Рен запер Купол, они вывели патрули на Поверхность. Ждали, что кто-то попытается сбежать через старые вентиляционные шахты.

Я обернулась.

Из черного провала, который оставил после себя закрывающийся шлюз, уже выкатывались первые багги Санации. Резина их огромных колес была обмотана цепями. На крышах вращались прожекторы, разрезая тьму белыми лезвиями света.

— Они нас видят, — сказала я. Мой голос звучал ровно. Слишком ровно. Пустота Рена в моих венах превратилась в лед. Я больше не чувствовала страха смерти. Я чувствовала только задачу.

— Они видят тепло, — Финн схватил меня за плечо и толкнул за остов рухнувшей когда-то буровой вышки. — «Криоксин» выгорел. Ты сейчас светишься в тепловизоре, как новогодняя елка.

— Значит, нужно их охладить, — я высунулась из-за укрытия.

Багги набирали скорость, поднимая тучи серой пыли. Их было восемь. Двадцать четыре бойца, плазменные орудия, разрывные дротики.

Я подняла руки.

На этот раз я не пыталась сжечь. Я не пыталась выкачать. Я сделала то, что делала в камере Стирателя, но в обратном порядке.

Я потянулась к ним не через нейроконнектор, а через саму атмосферу.

Я искала в воздухе влагу.

После Великой Вспышки дожди шли раз в год, но в атмо-

сфере все еще висели миллионы тонн замерзшего пара, перемешанного с пеплом.

Я нашла молекулы воды. Я вцепилась в них своим сознанием, как клещ.

— Каэла, ты перегоришь! — крикнула Мира. — Ты тянешь на себя термодинамику пустоши!

— Рви! — приказал Финн.

Я дернула.

Воздух между нами и патрулями Санации мгновенно остыл градусов на сорок. Пепельная взвесь, поднятая колесами багги, замерзла прямо в полете.

Белая стена инея и острого, как бритва, льда выросла из земли, перегородив дорогу.

Передовой багги влетел в нее на полном ходу.

Звук был похож на тот, что издает стекло, когда по нему проводят алмазом, умноженный на десять. Огромная машина в мгновение ока покрылась толстой коркой. Резина колес разлетелась в пыль, не выдержав перепада температур. Багги перевернуло. Он рухнул на бок, подмяв под себя соседнюю машину.

Остальные начали тормозить, юзом уходя в ледяной зазор. Прожекторы метались по белой мгле, выхватывая из нее собственные отражения.

— Это их задержит на три минуты, — Финн уже бежал, таща меня за собой. — Потом они пустят огнеметчиков. Бегом! Бегом, пока они не видят, куда мы свернули!

Мы рванули вдоль кромки Купола.

Слева возвышалась живая стена Мегополиса. Сейчас, снаружи, она выглядела чудовищно. Полимер покрылся гнойно-желтыми нарывами и черными струпами — это Купол пытался переварить ледяной удар изнутри. Из пульсирующих вен в землю сочилась густая, светящаяся лимфа, мгновенно застывая серыми лужами.

— Не касайся подножия! — на бегу крикнула Мира. — Там концентрация кислоты!

Я бежала. Мои ноги, привыкшие к пружинящему полу операторской, вязли в сером пепле. Каждый вдох раздирал трахею. В боку кололо так, словно там проросла колючая проволока.

— Почему они не стреляют? — прохрипела я, оглядываясь.

Санация расчистила проход. Багги снова выстроились в линию. Но огня не было. Прожекторы выключили. Машины двигались в полной темноте, только тускло светились их тепловые контуры.

— Они боятся зацепить Купол, — ответил Финн. — Плазма прожжет дыру, и полимер выплеснется на пустошь. Санация защищает актив. Мы для них — просто вирус, который нужно изолировать, а не сжечь вместе с жестким диском.

Он резко дернул меня влево, за груды ржавых контейнеров, выброшенных Куполом десятилетия назад.

Мы затаились.

Мимо, в десяти метрах от нас, медленно проплыл патрульный багги. Он не ехал. Он крался.

На его носу, в специальном зажиме, висел не огнемет.

Висела огромная металлическая сеть с вплетенными в нее тяжелыми грузилами.

— Магнитная ловушка, — прошептала Мира. — Они не хотят нас убивать. Рен оставил в тебе маяк. Им нужен Архитектор живым.

Багги остановился. Солдат на крыше поднял гарпунную пушку.

— Если они выстрелят, крючья пробьют Купол, — сказала Мира. — Тросы из углеродного волокна выдержат вес танка. Они просто подтянут нас к шлюзу и затащат обратно.

Финн посмотрел на меня. В лунном свете его лицо казалось высеченным из старого дерева.

— У тебя остался один хороший выброс, Каэла. Потом ты упадешь.

— Я знаю, — я посмотрела на пушку. До нее было слишком далеко, чтобы дотянуться сознанием до разума стрелка. Я посмотрела на небо.

А потом на черную, маслянистую жижу, которая вытекала из нарыва на теле Купола прямо в пепел у наших ног.

Это была лимфа. Голодная, агрессивная протоплазма, переваривающая саму себя.

— Не стреляй в них, — сказала я Финну, поднимаясь на ноги. — Стреляй в Купол.

— Ты с ума сошла? Нас зальет кислотой!

— Именно, — я шагнула из-за контейнеров на открытое пространство.

Я вышла прямо под луч прожектора.

Солдат на багги замер, занеся палец над кнопкой пуска гарпуна. Он не ожидал, что добыча выйдет сама.

Я развела руки в стороны. Я больше не прятала свой жар. Я позволила ледяной пустоте Рена внутри меня встретиться с лихорадочным жаром моего собственного выгорания.

Я открыла себя Куполу.

Я позвала его. Не как Смотритель. Не как Стиратель.

Я позвала его как Источник зовет Пустоту.

Ешь.

Живой полимер наверху дрогнул.

Огромный кусок плоти, размером с дом, отвалился от основной стены Купола и с влажным чавканьем рухнул вниз. Он упал не на нас — он упал прямо на патрульный багги.

Полимер не просто раздавил машину. Он упал на нее раскрытой пастью.

Живая лимфа хлынула внутрь кабины. Прозрачный плексиглас задержал ее на долю секунды, но затем поддался.

Я услышала крик. Это кричал не солдат. Кричал металл, когда живая кислота начала растворять двигательную систему. Багги сложился внутрь себя за три секунды, превратившись в бесформенный ком шипящей, пузырящейся грязи.

Другие машины резко дали задний ход. Они не стреляли.

Они в ужасе пятились от внезапно ожившего, голодного бога, на спине которого они жили все эти годы.

— Бегите, — прошептала я. — Скажите своим начальникам, что Архитектор больше не на их поводке.

Мой голос утонул в реве Купола.

Полимер, привлеченный моим выбросом, начал стекаться к нам. Желтые нарывные пузыри на его поверхности лопались, выпуская новые потоки жижи. Стена Мегалополиса медленно, неотвратно наклонялась в нашу сторону.

— Ты призвала лавину, — Мира дернула меня за воротник, оттаскивая от падающих с неба ошметков слизи. — Теперь бежим, идиотка! Он не будет разбирать, где Архитектор, а где Механик!

Мы побежали.

Позади нас рушился город. Живой, дышащий, сорока-миллионный город превращался в могилу. Купол, лишенный управления Смотрителей и получивший команду от Источника, начал переваривать сам себя с удвоенной силой.

Впереди, наконец, перестали играть красные блики Геотермального узла. Мы вылетели на черную, выжженную равнину.

Мои ноги подкосились.

Я упала на колени в черный песок.

В ушах стоял гул рушащихся башен и крики людей, которые только что поняли, что их небо падает им на головы.

— Вставай, — Финн упал рядом, пытаясь поднять меня.

— Еще сто метров.

— Я не могу, — я подняла на него глаза. — Я пуста.

Мира остановилась впереди. Она смотрела не на нас. Она смотрела на восток, откуда мы пришли.

— У нас проблема больше, чем твое истощение, — тихо сказала она.

Я проследила за ее взглядом.

Черное небо на горизонте, там, где остался Нижний город под Куполом, начало наливаться багровым светом.

Это не был рассвет.

Это была системная ошибка.

Красные аварийные огни Купола, которые мы видели изнутри, теперь пылали на весь континент.

И прямо над нами, оставляя длинные белые инверсионные следы, с орбиты вниз срывались десантные капсулы Смотрителей.

— Они не просто закрывали ловушку, — прошептала Мира. — Рен запустил протокол «Страшный суд».

Финн замер, держа меня на руках.

— Что это значит?

Мира посмотрела на свои механические пальцы, потом на пылающий за спиной Мегполис.

— Это значит, что через час Смотрители активируют систему самоуничтожения реакторов под башнями. Они не собираются отдавать Нижний город нам. Они собираются сжечь всю планету дотла, чтобы убить вирус. Купол падет. А

следом за ним упадет небо.

Глава 8

Десантные капсулы падали молча.

Их черные, угловатые корпуса, похожие на наконечники гарпунов, светились от трения об остатки атмосферы. Они шли не в Нижний город. Они шли к Геотермальному узлу.

— Им нужен узел, — выдохнула Мира, не отрывая взгляда от неба. — Реакторы под башнями — это просто бомбы. А Геотермальный узел — это детонатор. Если Смотрители захватят его, они синхронизируют выброс энергии с падением Купола. Мегаполис не просто рухнет. Он уйдет под землю на милю, и ударная волна снесет всё в радиусе пятисот километров.

Финн осторожно опустил меня на землю. Мои ноги больше не держали. Жар ушел, оставив после себя только сосущую, ледяную дыру в груди. Я смотрела на свои ладони. Они были чистыми. Ни ожогов, ни синего пламени. Только серая пепельная пыль пустоши въелась в трещины кожи.

— Сколько у нас времени? — спросил Финн. Он стоял, широко расставив ноги, и смотрел на падающие капсулы. Его рыжие волосы трепал сухой, радиоактивный ветер.

— Капсулы приземлятся через пять минут, — Мира коснулась своего виска. — Протокол «Страшный суд» уже запущен. Я перехватила их частоту. Обратный отсчет до детонации — пятьдесят две минуты.

— Мы не успеем, — я попыталась встать, но тело отказывалось подчиняться. — До узла еще километр. Нас трое. Против них.

Финн обернулся. Его лицо, обычно насмешливое, сейчас было жестким, как камень. Он посмотрел на меня, потом на Миру.

— Двое, — сказал он. — Ты останешься здесь.

Мира перевела на него свои черные глаза.

— Я Механик, Финн. Чтобы остановить детонацию, нужно переплавить ядро Геотермального узла. Мне нужен мой цех. Мне нужен плазменный резак. Если я останусь здесь, вы оба умрете зря.

— Если ты пойдешь с нами, ты будешь медленной, — Финн снял с пояса свой химический фонарь и сжал его в руке. Зеленое стекло хрустнуло. — А я не могу тебя нести. Мне нужно нести ее.

Он кивнул на меня.

— У тебя есть броня и пушка. У меня есть перегрев. У Каэлы есть маяк, который сводит Санацию с ума. Мы — таран. Мы пробьем их строй. А ты пойдешь в обход. Встретишь нас у пульта управления. И молись, чтобы твои железные ноги не заржавели раньше времени.

Мира долго смотрела на него. Затем на десантные капсулы, которые уже превратились в различные темные пятна.

— У меня нет молитв, — сказала она. — У меня есть расчеты.

Она развернулась и, не сказав больше ни слова, побежала на север, огибая Геотермальный узел по широкой дуге. Ее механическая рука мерно и быстро работала, поглощая расстояние.

— Вставай, — Финн снова подхватил меня под руки. — Обхвати меня за шею. И держись крепче. Если упадешь — я за тобой не вернусь.

Я вцепилась в него. От Финна шел сухой жар, но теперь он был другим. Он не сжигал. Он согревал.

Мы побежали.

Геотермальный узел представлял собой комплекс из трех огромных башен-излучателей, которые тянулись к небу, как ребра мертвого левиафана. Между ними, в глубокой чаше котлована, пульсировало само ядро — озеро из расплавленного базальта, удерживаемое магнитным полем.

И сейчас этот котлован кишел Санацией.

Они высадились раньше нас.

Десантные капсулы, вонзившись в землю, раскрылись стальными лепестками, выпуская штурмовые отряды. Они не строились в цепи. Они занимали позиции вокруг чаши, направив стволы плазменных орудий вниз, в центр котлована. Они ждали нас.

— Маяк, — прохрипела я Финну на ухо. — Они реагируют на мой маяк. Они видят меня сквозь пепел.

— Значит, иди и заberi их глаза, — Финн сбросил скорость, переходя на тяжелый, размеренный шаг.

Мы вышли из тени последней дюны прямо на край котлована.

Внизу, на расстоянии тридцати метров, вспыхнули сотни прожекторов. Красные лучи скрестились на мне.

— Архитектор, — прогремел из динамиков на броне ближайшего солдата механический голос. — Именем Совета Смотрителей, вы арестованы. Бросьте оружие. Накройте голову руками.

— У меня нет оружия, — тихо сказала я.

Я шагнула вперед, выходя из-за спины Финна.

Я стояла на самом краю обрыва. Внизу, под базальтовой коркой, клокотала первородная ярость планеты.

Я посмотрела на Санацию. На их идеальную броню. На их выверенные ряды. На их протокол.

И я сделала то, чего Рен никогда не позволял мне делать в камере Стирания.

Я перестала целиться в одного человека.

Я опустила свое сознание в землю.

Я нашла магнитное поле, удерживающее ядро. Я нашла токи, питающие башни-излучатели. Я нашла их частоту. Она была чистой, холодной и мертвой. Идеальной для протокола «Пепел».

— Огонь по готовности, — прошелестел голос командира Санации.

Солдаты нажали на спусковые крючки.

Сгустки фиолетовой плазмы рванулись вверх по парабо-

ле. Десятки огненных стрел, способных испарить камень, летели прямо в меня.

— Сейчас, — шепнула я.

Я не стала сжигать плазму. Я ударила по магнитному полю котлована.

Протокол «Пепел» вошел в резонанс с генераторами Геотермального узла.

Мертвая тишина Рена, сидевшая во мне, встретила с мертвой математикой машин.

Поле схлопнулось.

Расплавленный базальт внизу перестал висеть в воздухе.

Законы гравитации, которые Смотрители так долго пытались подчинить своей воле, вернулись на свои места.

Озеро жидкого камня рухнуло вниз, на дно котлована.

Удар был не звуком. Удар был физическим давлением.

Воздух сжался в плотный кулак и ударил по нам.

Финна швырнуло на спину. Меня сорвало с края обрыва. Я покатила вниз по пепельному склону, глотая пыль и чувствуя, как хрустят ребра.

Но внизу, где стояла Санация, было хуже.

Раскаленная магма рухнула на их головы.

Броня Санации выдерживала плазменные выстрелы, но она не была рассчитана на прямое погружение в первичный бульон планеты.

Металл плавился. Синтетические мышцы шипели. Люди внутри доспехов не успевали даже закричать.

Внизу образовалась каша из кипящего камня, горящего пластика и расплавленного композита.

Я лежала на спине, глядя в черное небо. Десантные капсулы, потеряв цель, зависли в воздухе, их маневровые двигатели вспыхивали красным — они запрашивали новые координаты.

— Вставай, — Финн скатился ко мне по склону, кашляя пеплом. Он был покрыт серой грязью, но его глаза горели ярче обычного. — Мира не успеет. Смотрители на орбите видят, что их десант горит. Они меняют план.

— На что? — я закашлялась, выплевывая кровь.

— На прямое попадание, — Финн рывком поставил меня на ноги. — Они ударят из главного калибра орбитальной станции. Прямо по координатам маяка. Прямо по нам.

Он посмотрел вверх.

Капсулы начали расходиться, образуя идеальный треугольник высоко в стратосфере.

— У нас десять минут.

— Мира... — я посмотрела в сторону северного сектора, куда она ушла.

— Она знает, — Финн потащил меня к центральной башне-излучателю. Лестницы, ведущие к пульту управления на вершине, были чистыми — Санация смотрела вниз, в котлован, и не позаботилась о прикрытии сверху. — Если она не взорвет узел к нашему приходу, мы сгорим в стратосфере. Шевелись, Архитектор. Покажи им, как горит их идеальное

небо.

Мы начали подъем. Каждый шаг отдавался болью в легких. Сверху, закрывая звезды, медленно опускались три тени орбитального удара. Время вышло. Остались только секунды.

Глава 9

Пульт управления Геотермальным узлом находился на смотровой площадке самой высокой башни.

Когда-то отсюда Смотрители любовались, как их мертвый бог переваривает пепел. Сейчас площадка была завалена телами. Внутренняя охрана узла — инженеры в белых халатах поверх комбинезонов — пыталась оказать сопротивление. Они встретили десант Санации гаечными ключами и огнетушителями.

Мира стояла посреди этого побоища.

Ее механическая рука была оторвана по самый плечевой сустав. Из обрубка торчали оплавленные провода и сочилась густая гидравлическая жидкость, похожая на черную кровь. Левая сторона ее лица превратилась в сплошной ожог, обнажив титановый череп.

Но она была жива.

И она стояла у главной консоли.

— Вы опоздали, — прохрипела она, когда мы с Финном ввалились на площадку. Ее голос звучал так, словно она говорила через сломанный динамик. — Я не могу инициировать каскадный сбой. Главный рубильник заклинило от температуры. Нужна вторая рука, чтобы вырвать его с корнем.

— Где она? — Финн бросил меня у стены и бросился к консоли, закрывая Миру своим телом.

— В котловане, — Мира кивнула вниз. — Расплавилась вместе с Санацией.

Финн зарычал. Он ударил кулаком по титановому корпусу пульта. На металле осталась вмятина.

— Тогда я вырву его зубами!

— Ты сгоришь, — Мира схватила его за плечо здоровой рукой. — До детонации три минуты. Орбитальный удар — две. Если ты сунешься к магме без защиты, ты станешь пеплом раньше, чем успеешь коснуться рубильника.

Я ползла по полу, опираясь на ладони. Боль в груди стала белой, ослепительной. Я больше не чувствовала ни холода, ни жара. Я чувствовала только вибрацию. Башня дрожала. Сверху, сквозь решетчатый купол потолка, три тени орбитальных капсул закрыли последние звезды.

— Финн, — позвала я.

Он обернулся. Его лицо было перекошено от бессилия.

— Я не могу ее вытащить, Каэла. Она права. Я прыгну туда и испарюсь. Мы потеряем и рычаг, и единственный перегрев, способный сбить их прицел.

— Ты не прыгнешь, — я попыталась встать, но ноги подкосились. Я осталась на коленях.

Я посмотрела на Миру. На ее черную, мертвую глазницу. На провода в плече.

— Ты Механик, — сказала я. — Ты видишь токи.

— Я вижу, что мы сдохли, — ответила она.

— Ты видишь, как течет энергия, — я подняла голову.

Мои глаза, должно быть, выглядели так же пусто, как у Рена в последние секунды. — Финн, иди к краю.

— Что ты задумала? — Финн медленно, не сводя с меня глаз, отошел от консоли к перилам площадки. Он встал над котлованом, где все еще пузырилась, остывая, магма.

— Я не могу дотянуться до рубильника, — сказала я Мире. — Слишком далеко. Мои нейронные щупы бьют на пять метров. Рубильник в десяти.

— И что? — Мира прислонилась к консоли, сползая на пол. Она теряла гидравлику.

— А ты — проводник, — я посмотрела на ее плечо. — Ты — чистая медь.

Мира поняла. Ее черная глазница расширилась.

— Ты хочешь пропустить разряд через меня? Расстояние не выдержит, потенциал рассеется.

— Выдержит, — я вытащила из-за пазухи свой нейроконнектор. Тот самый огрызок шунта, который Рен оставил в моем затылке. Он был горячим. — Рен сделал тебя, Мира. Он проектировал твои импланты. Твоя механика совместима с протоколами Смотрителей. Ты — идеальный изолятор и идеальный провод одновременно.

Я перевела взгляд на Финна.

— А ты — аккумулятор.

Финн сжал перила так, что побелели костяшки.

— Если тыпустишь через нее мой перегрев, ее синтетика расплавится. Ты сожжешь ее изнутри.

— Я знаю, — я воткнула разъем коннектора в порт на своем затылке. Боль была мгновенной и острой, как удар ножом. — Но если мы не сбросим ядро, она сгорит вместе с планетой через две минуты. Выбирай.

Мира попыталась что-то сказать, но из динамика на ее щеке вырвался только скрежет. Она медленно кивнула.

— Подключайся. И молись, чтобы твой «Криоксин» не застыл в моих венах, иначе я не смогу пропустить ток.

— У меня нет «Криоксина», — я сплюнула кровь. — У меня есть только Рен.

Финн не стал ждать.

Он шагнул к Мире. Его кожа уже светилась тусклым красным светом — перегрев начинался стихийно. Он упал на колени перед Механиком и прижал свои ладони к ее уцелевшему плечу.

— Бери, — выдохнул он.

Воздух между ними затрещал. Финн начал вливать в Мира свой огонь.

Тело Механика выгнулось дугой. Ее единственный глаз закатился. По титановому черепу побежали трещины от перегрева. Провода в ее плече засветились вишневым. Она превращалась в раскаленный стержень.

— Теперь моя очередь, — прошептала я.

Я переключила коннектор. Я больше не пыталась выкачать или сжечь. Я открыла прямой канал.

Я взяла горящую, как сверхновая, Мира и сделала ее про-

должением своего позвоночника.

Я дотянулась.

Мои нейронные щупы вышли из моего затылка, прошли сквозь плечо Миры, через ее разорванные нервные узлы, через километры оптоволокну и меди, вшитых в ее тело, и ударили прямо в главный рубильник Геотермального узла.

Я схватила его.

И дернула.

Я не просто разорвала цепь. Я влила в нее всё.

Всю пустоту Рена. Весь перегрев Финна. Всю свою собственную, выжженную дотла жизнь.

Это не был взрыв.

Это было отключение.

Геотермальный узел издал звук, который, наверное, издает бог, у которого изо рта выдернули трахею.

Магнитные захваты, удерживавшие плазму в башнях, разомкнулись.

Три столба жидкого солнца, уходившие в небо, дрогнули.

А затем рухнули.

Вниз.

Прямо в котлован.

Башня под нами затряслась. Пульт управления испарился в белой вспышке. Ударная волна, способная вскипятить океан, ударила вверх.

Меня швырнуло на перила.

Я видела, как Мира вспыхнула, как пучок сухой соломы,

и ее остатки рухнули в магму.

Я видела, как Финна сорвало с площадки и унесло в черное небо, словно тряпичную куклу.

А потом ударная волна ударила по орбитальным капсулам.

Они не были рассчитаны на сопротивление физике.

Первая капсула, уже вышедшая на угол атаки, врезалась в столб перегретого пара и разлетелась на миллион серебряных осколков.

Вторая потеряла стабилизацию, закувыркалась и рухнула где-то за горизонтом, осветив ночь заревом.

Третья успела выстрелить.

Я видела, как сорвался с ее носа ослепительно-белый луч главного калибра.

Он прошел сквозь пепел, сквозь разрушающийся Купол, сквозь падающие башни.

Он летел прямо в меня.

Я закрыла глаза.

У меня не осталось сил, чтобы отклонить его. Не осталось жара, чтобы сжечь. Не осталось пустоты, чтобы напугать.

В этот момент что-то тяжелое и горячее врезалось в меня сбоку, сметая с площадки.

Мы полетели вниз.

В кипящий ад котлована.

Финн.

Он вернулся. Он потратил последние остатки своего пе-

регрева, чтобы создать вокруг нас на секунду кокон из горячего воздуха, отталкивающий материю. Его тело приняло на себя удар.

Я почувствовала, как его спина вспыхнула прямо подо мной.

Запахло палеными волосами, горелым мясом и озоном.

А потом мы ударились о воду.

Это была не магма.

Ударная волна от рухнувших башен разбила корку, и мы провалились в подземный водоносный горизонт.

Вода сомкнулась над головой. Она была ледяной.

Она погасила горящую спину Финна.

Она погасила мой коннектор.

Она погасила свет.

Я очнулась от бульканья.

Я лежала на твердом камне. В воздухе пахло серой, озоном и чем-то неуловимо сладким — запахом горелой синтетики.

Рядом лежал Финн.

Он не двигался.

Я перевернула его.

Его кожа на груди и животе была черной, покрытой пузырями. Одежда сгорела. Но он дышал. Хрипло, с присвистом, но его грудь поднималась. Его перегрев спас его — он сжег легкие, но испарил плазменный заряд орбитального удара,

который должен был превратить нас в тень на стене.

Я посмотрела наверх.

Там, где была смотровая площадка, теперь зияла дыра.
Сквозь нее было видно небо.

Настоящее небо.

Оно было не черным.

Оно было темно-фиолетовым.

Пыль в атмосфере, поднятая рухнувшим Куполом и взорванным узлом, рассеивалась.

Я перевела взгляд на горизонт.

Великая Вспышка оставила шрамы, но сквозь них проби-
вался первый, самый слабый, самый робкий луч настоящего
солнца.

Купол пал.

Смотрители на орбите остались без якоря. Их флот был
слеп в поднявшейся буре.

Я попыталась встать. Ноги дрожали. Я посмотрела на свои
руки. Они были целы.

Внутри больше не было ни синей вспышки, ни ледяной
пустоты.

Там было тихо.

Впервые за двадцать лет это была просто моя собствен-
ная, человеческая тишина.

— Мира... — прошептала я.

В ушах зазвенело.

Я посмотрела на свои предплечья.

Кожа на них начала меняться. Она больше не была просто человеческой. Там, где ударила орбитальная плазма, сквозь обожженную плоть проступал тонкий, как паутина, узор из меди и титана.

Протоколы Миры. Когда она сторела, ее наниты, созданные для управления токами, в панике искали ближайший совместимый носитель.

И нашли меня.

Я больше не была Стирателем.

Я не была Архитектором.

Я стала чем-то иным.

Я подняла голову к фиолетовому небу, подставляя лицо настоящему ветру.

Где-то вдалеке, в развалинах Нижнего города, начали загораться первые настоящие костры.

Глава 10

Первые три дня мы провели в тени рухнувшей башни-излучателя.

Финн умирал.

Его перегрев, спасший нас от орбитального удара, выжег ему легкие изнутри. Он лежал на куске оплавленного титана, и каждый его вдох звучал как скрежет наждачной бумаги по стеклу. Кожа на его груди почернела и пошла глубокими трещинами, из которых сочился густой, желтый гной.

Я сидела рядом, не смыкая глаз.

Мои руки больше не горели. Наниты Миры, вжившиеся в мою нервную систему, работали как идеальный термостат. Они гасили любые всплески энергии, превращая мое тело в инертный, безопасный кусок плоти. Я больше не могла сжечь дерево взглядом, но зато могла держать ладонь над губами Финна, охлаждая раскаленный воздух, который он вдыхал.

На четвертый день с неба пошел дождь.

Настоящий.

Черный, маслянистый, пахнущий озоном и гарью, но это была вода. Купол окончательно распался, и атмосфера начала очищаться. Капли падали на серый пепел, превращая его в жидкую грязь.

— Солнце, — просипел Финн, открывая глаза.

Я подняла голову. Сквозь рваные облака пробивался туск-

лый, медный диск. Он больше не был размытым пятном за полимерной пленкой. Он резал глаза.

— Он убьет тебя, — сказала я, накидывая на его обгоревшую спину полу своего комбинезона. — Радиация.

— Пусть попробует, — Финн попытался усмехнуться, но закашлялся кровью. — Я всегда хотел посмотреть, какого оно цвета.

На пятый день я похоронила его.

Я не стала копать яму в радиоактивном пепле. Я затащила его тело внутрь остова башни, туда, где когда-то находилось магнитное ядро. Положила его на холодный металл, сложила его руки на груди, которые больше не могли гореть, и завалила вход самыми тяжелыми обломками, которые смогла поднять.

Я не плакала. Наниты Миры блокировали не только выбросы энергии, но и химию слез. Я просто сидела в грязи перед завалом, пока медное солнце не начало клониться к горизонту, окрашивая пустошь в цвет запекшейся крови.

— Я иду в Нижний город, — сказала я руинам.

Мне никто не ответил.

Путь занял две недели.

Я шла пешком. Наниты Миры перерабатывали радиацию, попадающую в мое тело, в чистую энергию, поэтому я не чувствовала ни голода, ни усталости. Я была идеальным механизмом, завернутым в гнилую человеческую оболочку.

Мегаполис встретил меня тишиной.

Когда рухнул Купол, а Геотермальный узел взорвался, вызвав тектонический сдвиг, нижние уровни сложились внутрь. Башни Смотрителей превратились в курганы из стекла и бетона.

Но Нижний город выжил.

Трущобы, вросшие в землю, лишь осели еще глубже. Люди, привыкшие выживать без фильтров и пайков, выбрались из-под завалов.

Я шла по улицам, которых больше не существовало на картах.

Люди шарахались от меня. Не из-за агрессии — из-за моего вида. Моя кожа в местах, не прикрытых одеждой, отличала перламутром. Сквозь вены на висках просвечивала тонкая серебряная сетка. Я пахла озоном и стерильным металлом.

Я искала «Искру».

Я нашла ее на том же месте. Бетонный бункер Миры уцелел, когда рухнули небеса. Тяжелая гермодверь была приоткрыта.

Внутри горел свет.

Настоящий электрический свет, питающийся от самодельного генератора.

Я вошла в зал.

Здесь ничего не изменилось. Стеллажи с микросхемами, подвешенное на цепях «сердце» из проводов.

За верстаком, сгорбившись над разобранным плазменным резакom, сидел человек.

У него не было левой руки.

Но это была не механика Миры. Это была свежая, неуклюжая культа, перемотанная грязным бинтом, из которого торчали обломки кости.

— Ты не Мира, — сказал человек, не поднимая головы. Его голос был хриплым, надорванным. — У Миры походка была тяжелая. А от тебя шагов вообще не слышно.

Я подошла ближе.

Человек поднял глаза.

Это был Рен.

Мой куратор.

На нем не было формы Смотрителя. Только лохмотья. Его идеальное лицо осунулось, заросло седой щетиной, а в глазах больше не было математической пустоты. Там была паника загнанного зверя.

— Где она? — спросил он, глядя на мою металлическую руку, которой я опиралась на верстак. — Мира. Я видел, как упала башня. Я думал, она...

— Она спасла мир, — перебила я. — А потом сгорела.

Рен побледнел. Он попытался отодвинуться, но уперся спиной в стеллаж.

— Это ты сделала, — прошептал он. — Ты убила Купол.

— Купол убил себя сам, когда остался голодным, — я смотрела на него сверху вниз. — Смотрители на орбите еще

живы?

— Они слепы, — Рен затрясся. — Буря. Они не могут посадить корабли. Они жгут топливо на геостационарной орбите. Ждут, когда осядет пыль. Через месяц они спустятся. На десантных ботах. С огнеметами. Они выжгут всё, чтобы не повторить ошибку.

— Ошибку? — я наклонилась к нему. Мои глаза, лишённые эмоций, отразили его искажённое страхом лицо.

— Тебя! — выплюнул он. — Архитектор мертв, программа стерта, но ты... ты ходячий вирус. Ты — протокол «Пепел» в чистом виде. Если Смотритеры поймают тебя, они разберут тебя на атомы и создадут новый Купол. Только в этот раз он будет не из пластика. Он будет из людей.

Я выпрямилась.

Рен был прав. Наниты Миры сдерживали меня, но я все еще была бомбой. Я была памятью о системе, которую нужно было уничтожить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.